

Title	
Author(s)	
Citation	ツングース言語文化論集, 21, 45-49 = Marina Khasanova & Alexander Pevnov ; with preface by Toshiro Tsumagari = マリーナ・ハサノワ, アレクサンドル・ペヴノフ 採録・訳 ; 津曲敏郎 序文, = Myths and tales of the Negidals = ネギダルの伝説と民話. [Project "Endangered Languages of the Pacific Rim", Faculty of Informatics, Osaka Gakuin University], 2003, vi, 297. (文部科学省科学研究費補助金特定領域研究「環太平洋の「消滅に瀕した言語」にかんする緊急調査研究」(ELPR publication series, A2-024) (ツングース言語文化論集, 21)
Issue Date	2003-02
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/57378
Type	report
File Information	07PrefacetotheTextsRu.pdf

[Instructions for use](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТЕКСТАМ

1. Предлагаемые в этой книге фольклорные тексты записаны во время двенадцати совместных поездок М.М.Хасановой и А.М.Певнова к негидальцам в период с 1981 по 2000 годы. До 1981г. авторы занимались изучением эвенкийского языка и прежде всего дальневосточных его диалектов, распространенных на территории Аяно-Майского и Тугуро-Чумиканского районов Хабаровского края. В 1981 г. во время полевых исследований в с. Владимировка района имени Полины Осипенко Хабаровского края наряду с записью эвенкийских фольклорных текстов было начато целенаправленное изучение языка, фольклора и культуры негидальцев.

Данная книга задумана как первая часть работы, в которой записанные нами в разные годы от разных людей фольклорные тексты сопровождаются как фольклористическим и этнографическим, так и лингвистическим анализом. В предлагаемой вниманию читателей первой части представлены негидальские мифы и сказки; соответственно, двумя этими жанрами очерчен круг фольклористической и этнографической тематики. Лингвистический раздел ограничен изложением некоторых особенностей негидальской морфологии. Во второй части предполагается опубликовать произведения «крупного» жанра, по-негидальски называемого *тāлуҢ*, а также паремии. Фольклористическая и этнографическая интерпретация так же, как и в первой части, должна быть непременно обрамлением этих текстов, поскольку иначе они в значительной степени останутся «вещью в себе». Что касается лингвистического исследования, то во второй части намечается рассмотреть некоторые фонетические инновации в негидальском языке, а также особенности его лексики.

2. Все годы работы среди негидальцев мы записывали фольклорные произведения почти исключительно под диктовку, при этом работали всегда вместе, одновременно фиксируя на бумаге один и тот же текст. С нашей точки зрения, такой способ записи имеет существенные преимущества в сравнении с записью на магнитофон.

Необходимо дать разъяснения по поводу передачи звучания негидальских фольклорных текстов. При практиковавшейся нами записи текстов под диктовку очень трудно, а большей частью, наверное, и невозможно было зафиксировать на бумаге все тонкости звучания, поэтому в дополнение к кириллице мы использовали минимум иных знаков и диакритики. Однако даже при записи изолированных и отчетливо произносившихся слов, повторявшихся к тому же информантом несколько раз, нам, по всей видимости, далеко не всегда удавалось адекватно передать их звучание. С согласными проблем у нас, как правило, не возникало; сложности были и остаются с передачей звучания гласных. При этом мы столкнулись с большими трудностями при передаче не

только качественной, но и количественной стороны негидальских гласных. В нашей транскрипции долгота гласных обозначается весьма нерегулярно. Это касается, например, показателя прошедшего времени *-ч̄а*, в котором теоретически гласный долгий, однако практически мы слышим и отмечаем это в наших записях отнюдь не во всех случаях.

Впрочем, с такими сложностями столкнулись не только мы, но и все, кто записывал по-негидальски тексты или отдельные слова до нас. В этом легко убедиться, посмотрев, какой разницей в передаче звучания негидальских гласных наблюдается у разных исследователей. Все это, безусловно, указывает на то, что негидальская фонетика (и в первую очередь гласные звуки) нуждается в основательном изучении при помощи специальной аппаратуры.

Мы решили публиковать наши негидальские фольклорные тексты почти в том виде, как они были нами записаны в полевых условиях. Исправления вносились лишь в случае очевидных ошибок. Впрочем, мы осознаем, что «очевидность» в подобных случаях весьма относительна и как бы мы того не хотели, уйти от субъективности при записи под диктовку и при ее последующей проверке с целью выявления ошибок в принципе невозможно. Разумеется, наша транскрипция не является фонологической; мы, конечно же, понимаем, что как фонетическая она весьма далека от совершенства. Однако как показывает наша практика, именно сырая, необработанная или, честнее и правильнее сказать, частично обработанная нами запись позволяет в результате ее анализа постепенно, шаг за шагом менять представления об истинном звучании негидальских слов.

Например, далеко не сразу мы пришли к выводу о том, что в негидальском языке звучание широких кратких гласных *а*, *э* и, возможно, *о* зависит от их позиции в слове (к подобному выводу значительно раньше нас пришли В.Д.Колесникова и О.А.Константинова [Колесникова, Константинова, 1968, с.112]). Находясь в первом слоге слова, эти гласные проявляют свое звучание с максимальной четкостью, однако ближе к исходу слова и особенно в последнем его слоге нередко происходит ослабление артикуляции, т.е. указанные гласные выступают в своих редуцированных вариантах. Приведем примеры: *тайва* [тайвэ] ‘этот, это, эту (винительный падеж)’; *тонҢа* [тон'Ңэ] ‘пять’; *сэлэ* [сэлэ] ‘железо’; *эмэйэн* [эмэйэн] ‘идет (сюда)’.

Вероятно, именно редукция является одной из причин того разнобоя в наших записях, который можно принять за нарушение гармонии гласных. Предположение о том, что в негидальском языке действует закон редукции гласных, нашло, как мы думаем, объективное подтверждение, когда мы стали просить негидальцев передать на письме некоторые заранее подготовленные нами «диагностические» слова. Успеху эксперимента способствовало то, что наши помощники, естественно, не знали, как «правильно» надо писать слова их родного языка – в данном случае представилась уникальная возможность воспользоваться в научных целях достойным сожаления отсутствием у негидальцев собственной письменности. Пишущие на родном языке

исключительно по наитию люди совершенно независимо друг от друга давали одинаковое или близкое написание негидальских слов, существенно отличавшееся от нашего главным образом в отражении вокализма. Следующие примеры являются образцами самозаписи наших информантов; уточним, что их речь отражает особенности низовского диалекта негидальского языка: *адылвэ* (винительный падеж) ‘рыболовная сеть’, в нашей записи *адилва*; *тоньнгэ* ‘пять’, в нашей записи *тон҆ҏа*; *быя* ‘человек’, в нашей записи *бэйэ*; *ымыян* ‘идет (сюда)’, в нашей записи *эмэйэн*; *тигда* ‘дождь’, в нашей записи *тигдэ*.

Любопытно, что более семидесяти лет назад негидальцы писали (при отсутствии у них письменности!) свои слова русскими буквами так же, как это делали их потомки в восьмидесятых и девяностых годах. Так, К.М.Мыльникова и В.И.Цинциус, собиравшие лингвистический, фольклорный и этнографический материал среди негидальцев в 1926-1927 гг., отмечали, что «мало-мальски грамотные туземцы» пишут *быя* ‘человек’, *ылы* ‘довольно’, *ымыйгал* ‘приди обратно’ [Мыльникова, Цинциус, 1931, с.135]. Интересно, наконец, что записи отдельных негидальских слов и словосочетаний, сделанные Л.Я.Штернбергом в 1910г., иногда поразительно напоминают самозапись негидальцев, ср. например: *икта* (в нашей записи *иктэ*) ‘зубы’, *буја-ва* (в нашей записи *бэйэ-вэ*) ‘человека’ у Л.Я.Штернберга и *икта*, *быя* в самозаписи в двадцатые годы, а также в конце XX века.

Уникальной особенностью негидальского языка является делабиализация кратких гласных *о* в тех случаях, когда эти гласные имеются в первом и последующих слогах корневой морфемы (на аффиксы этот процесс не распространяется), например: *го^ай^о^а* ‘далекий, далеко’ (< *гойо, ср. эвенк. *горо*), *ко^ахо^ало^а* ‘рукавицы’ (< *кохоло, ср. эвенк. *коколло*). Весьма вероятно, что ближе к исходу слова, особенно в последнем его слоге, делабиализованный *о* произносится к тому же с некоторой редуцией. Следует сказать, что делабиализацию гласного *о* так или иначе отмечали все предыдущие исследователи.

В истории негидальского языка произошла также иная делабиализация гласных, суть и результат которой нам удалось установить не сразу. С только что рассмотренной ее сближает то, что исходный огубленный гласный обязательно повторялся во всех слогах корня (корень незаимствованного негидальского слова состоит максимум из трех слогов). Отличается же делабиализация первого типа от делабиализации второго типа прежде всего конечным результатом: в первом случае это будет *о^а*, а во втором – *э*. Приведем примеры с делабиализацией второго типа: *эмэн* ‘один’ (ср. ороческое и удэгейское *омо*, эвенкийское *умун*), *элэхи* ‘белка’ (ср. ороческое *олоки*, удэгейское *олохи*, эвенкийское *улуки*). Доказательством того, что в таких словах как *эмэн* и *элэхи* действительно гласный *э*, могут служить образцы самозаписи негидальцев: в этих словах они пишут *ы* (т.е. *ымын*, *ылыхи*), которым, как правило, передают звук *э* (например, *быя* ‘человек’).

Отметим еще одну любопытную особенность, обнаружить которую удалось

только благодаря тому, что мы старались не править первоначальную фиксацию звучания нарративов, оставляя для последующего анализа разные варианты: оказывается, отрицательный вспомогательный глагол по-негидальски произносится *атам*, а не *этэм* (как считалось раньше), глагол со значением 'потеряться' – *аман-*, а не *эмэн-* и т.д. Причина заключается в регрессивной дистактной ассимиляции гласного под влиянием произносимого а-образно долгого *э̄*. Интересно, что в редких случаях аналогичное звуковое изменение наблюдается в удэгейском и орочком языках.

Кстати, фиксация на письме а-образного долгого *э̄* представляет немалые трудности: в одних случаях мы обозначаем его как *ā* или *a* (что вообще-то противоречит принципам гармонии гласных, но ближе всего стоит к тому, что на самом деле слышится), в других же – как *э̄^a*, *э̄* или *э*. Очевидно, без использования методов экспериментальной фонетики истину здесь не установить.

Дадим также разъяснения, касающиеся некоторых используемых нами графем и диакритики. Долгота гласных передается черточкой над буквой. Графема *э* обозначает свойственный всем тунгусо-маньчжурским языкам гласный среднего ряда и среднего подъема. Графемой *e* (*ē*) передается закрытый гласный наподобие, например, русского в слове *тень* или французского в слове *été* 'лето'. Диграммой *o^a* мы обозначаем подвергшийся делабиализации звук *o*. Буквой *к* передается не только заднеязычный глухой смычный звук, но также увулярный, употребление которого в негидальском языке не всегда подчиняется закону сингармонизма (например, в диминутивном аффиксе *-ккāн* долгий согласный всегда увулярный). Графемами *ж̄*, *ч̄*, *н̄* обозначаются соответственно звонкий, глухой и назализованный среднеязычные.

Все негидальские аффиксы приводятся только в одном («твердом») сингармоническом варианте, например: *-ва*, *-йа*, *-нак-*.

3. Отобранные нами для публикации в этой книге образцы устного творчества негидальцев относятся к древнейшим жанрам фольклора – мифам и сказкам о животных (подробнее см. раздел о фольклоре). Они, безусловно, не исчерпывают всего фольклорного богатства этноса. Но рамки книги требовали определенных ограничений. Мы выбрали категорию сказок о животных потому, что, во-первых, они до настоящего времени сохраняют живую связь с мифами и исторически составляют с ними единое целое, хотя в настоящее время самими негидальцами причисляются к разряду сказок. Во-вторых же, в их простых, казалось бы, сюжетах отразились как общетунгусо-маньчжурские схемы и образы, так и контакты негидальцев с другими этносами.

В комментариях к текстам мы старались раскрыть и объяснить особенности языка фольклора, по возможности продемонстрировать жанровую принадлежность сюжета, растолковать некоторые этнографические моменты и, наконец, в отдельных случаях предложить наше понимание глубинного смысла

ряда нарративов, если он казался нам затемненным (прежде всего это касается мифов). Кроме того, во всех случаях, где это было реально, мы стремились дать сюжетные соответствия, т.е. показать близость негидальского фольклора и устного творчества других народов (как родственных по языку, так и не родственных). Ввиду фрагментарности опубликованных материалов по фольклору многих сибирских и дальневосточных народов наши сопоставления сюжетов, бесспорно, не могут претендовать на полноту и законченность. Проблема сравнительного изучения сюжетов коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Америки еще ждет своего исследователя.